

6. Віцязь С. П., Мядзведзева В. У., Дучыц Л. У. Даследчыкі археалагічных старажытнасцей Беларусі: біябібліяграфічны даведнік. Мінск: Беларуская навука, 2020. 504 с.
7. Адзел архіўнай працы, уліку і выкарыстання дакументаў БДУ. Ф. 205. Воп. 36. Спр. 834. (А. Г. Митрофанов).
8. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). Ф. 205. В. 5. Спр. 245.
9. НАРБ. Ф. 205. В. 5. Спр. 389.
10. НАРБ. Ф. 205. В. 5. Спр. 426.
11. НАРБ. Ф. 205. В. 5. Спр. 434.
12. НАРБ. Ф. 205. В. 5. Спр. 503.
13. НАРБ. Ф. 205. В. 5. Спр. 682.
14. НАРБ. Ф. 205. В. 5. Спр. 734.
15. НАРБ. Ф. 205. В. 5. Спр. 807.
16. НАРБ, Ф. 205. В. 5. Спр. 1305.
17. НАРБ. Ф. 205. В. 5. Спр. 1317.
18. НАРБ. Ф. 205. В. 6. Спр. 152.
19. НАРБ. Ф. 205. В. 8. Спр. 1901.
20. НАРБ. Ф. 205. В. 10. Спр. 943.
21. Архіў археалагічнай навуковай дакументацыі ДНУ «Інстытут гісторыі НАН Беларусі» (ААНД ІГ НАНБ). Арх. № 87а.
22. Носов Е. Н., Тихонов И. Л. Кафедра археологии // Исторический факультет СПбГУ: 1934–2004: Очерки истории / Отв. ред. А. Ю. Дворниченко. СПб., 2004. С. 278–316.
23. Чубур А. А. Очарованный древностью. Константин Михайлович Поликарпович: жизнь, открытия, ученики. Брянск: «Карат», 2006. 288 с.
24. Вайтович А. В. «Советские ученые были на своем посту»: изучение и преподавание археологии и истории первобытного общества в БГУ в военные и первые послевоенные годы // Журнал Белорусского государственного университета. История. 2021. № 4. С. 80–90.
25. Звязда. 1935. 27 мая. № 119. С. 4.
26. За сталінскія кадры. 1954. 1 верасня. № 15. С. 3.
27. ААНД ІГ НАНБ. Арх. № 84.
28. ААНД ІГ НАНБ Арх. № 93а (93).
29. Беларускі ўніверсітэт. 1959. 28 сакавіка. № 13. С. 2.

БЕЛОРУССКАЯ СОВЕТСКАЯ МЕДИЕВИСТИКА: ОПОРНАЯ СТРУКТУРА И ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ РАМКА

И. О. Евтухов

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, Ewtuhov@tut.by*

Белорусская советская медиевистика сформировалась и развивалась как часть советской медиевистики. Путь развития был схож по форме и содержанию. В то же время белорусская советская медиевистика имела ряд характерных только для нее особенностей. Во-первых, не было специального центра по изучению западноевропейского средневековья (как сектор истории средних веков (с 1936 года) и сектор истории Византии (с 1955 года) Института истории АН СССР) и специальных научных журналов. Во-вторых, белорусские историки не оставили заметного следа в дискуссиях советских медиевистов (генезис феодализма, средневековый город, абсолютизм). В-третьих, развитие темы, которая была проигнорирована советскими

медиевистами: история древней Пруссии. В 1950-х годах была опубликована серия научных статей академика В. Н. Перцева, посвященных древней Пруссии. Перевод на русский язык основного источника, «Хроники земли Прусской» Петра из Дусбурга, был опубликован в постсоветский период, в 1997 году, монография доктора исторических наук В. И. Кулакова «История Пруссии до 1283 года» – в 2003 году.

Ключевые слова: советская медиевистика; белорусская советская медиевистика; В. Н. Перцев.

BELARUSIAN SOVIET MEDIEVAL STUDIES: SUPPORTING STRUCTURE AND IDEOLOGICAL FRAMEWORK

I. O. Yeutukhou

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus
Corresponding author: I. O. Yeutukhou (Ewtuhow@tut.by)*

Belarusian Soviet medieval studies were formed and developed as part of Soviet medieval studies. The path of development was similar in form and content. At the same time, the Belarusian Soviet medieval studies had a number of features characteristic only for it. Firstly: there was no special center for the study of the Western European Middle Ages (as a sector of the history of the Middle Ages (since 1936) and the sector of the History of Byzantium (since 1955) of the Institute of History of the USSR Academy of Sciences) and special scientific journals. Secondly, Belarusian historians had not left a noticeable trace in the discussions of Soviet medievalists (the genesis of feudalism, medieval city, absolutism). Third: the development of a topic that was ignored by Soviet medievalists: the history of ancient Prussia. In the 1950s, a series of scientific articles by academician V. N. Pertsev on ancient Prussia was published. The translation into Russian of the main source, «Chronicles of the Prussian Land» by Peter of Dusburg, was published in the post-Soviet period, in 1997, the monograph of the Doctor of Historical Sciences V. I. Kulakov's «History of Prussia before 1283» – in 2003.

Keywords: Soviet medieval studies; Belarusian Soviet medieval studies; V. N. Pertsev.

Белорусская советская медиевистика сформировалась и развивалась как неотъемлемая часть советской медиевистики, приобретая при этом некоторые особенные черты.

Советская медиевистика. Краткое, но содержательное изложение развития советской медиевистики предлагают статьи доктора исторических наук, профессора МГУ Евгении Владимировны Гутновой (1914–1992): «Сорок лет советской медиевистики» (1957, в соавторстве), «Основные этапы развития советской медиевистики» (1969), «Советская медиевистика с середины 30-х до конца 60-х годов» (1990). Первые две из них написаны с позиций господствующей марксистской парадигмы, третья – с оборонительных позиций.

Первая статья написана в соавторстве с академиком Евгением Алексеевичем Косминским (1886–1959) и профессором кафедры истории средних веков МГУ Ниной Александровной Сидоровой (1910–1961). В

самом начале текста вводится тематическое ограничение: «Данная статья подводит итоги сорокалетней работы советских медиевистов только в области истории западноевропейского средневековья и не касается многочисленных и весьма плодотворных исследований по истории Востока, Византии и славянских народов в средние века» [1, с. 186].

Начальный этап развития советской медиевистики авторы связывают с деятельностью медиевистов с мировым именем, которые «никогда не были марксистами и не стали ими в советское время, оставаясь сторонниками методологии позитивизма, а некоторые из них – даже неокантианства». Это: Д. М. Петрушевский, А. Н. Савин, Р. Ю. Виппер. При этом Н. П. Грацианский получил от авторов статьи положительную оценку [1, с. 187].

Особо подчеркнуто, что «идеологическое влияние буржуазной профессуры в то время было тем более опасно, что под ее руководством вынуждены, были обучаться молодые историки-марксисты, которые не имели еще ни равного ей опыта конкретных исследований в области медиевистики, ни достаточно глубокой теоретической подготовки, чтобы дать обоснованное научное опровержение буржуазных концепций». В то же время появились публикации, которые «намечали пути будущей, более глубокой марксистской разработки ряда проблем средневековой истории». Их авторы: Е. А. Косминский, А. Д. Удальцов, А. С. Нифонтов, И. С. Макаров, Е. В. Оловянишникова, С. А. Токарев, И. С. Звавич [1, с. 187].

Серьезным препятствием для развития медиевистики стала победа исторической школы М. Н. Покровского, считавшей, что история должна быть заменена обществоведением. В результате «курс истории средних веков в Московском университете в то время был заменен чисто социологическим курсом “История феодальной формации”. К началу же 30-х годов историко-филологические и исторические факультеты во многих университетах, в том числе и в Московском, были вообще ликвидированы» [1, с. 187].

Во второй статье информация по данному периоду несколько уточняется. Список медиевистов-немарксистов расширен за счет Н. И. Кареева и И. М. Гревса. При этом из списка убран Р. Ю. Виппер. Н. П. Грацианский, отмеченный, в первой статье, как историк старшего поколения, перенесен в список молодых ученых-медиевистов, стоявших на позициях марксизма: Е. А. Косминский, С. Д. Сказкин, Н. П. Грацианский, В. В. Стоклицкая-Терешкович, В. М. Лавровский. Более старшими (до середины 1920-х гг.) марксистами признаются А. Д. Удальцов и О. Л.

Вайнштейн. Противостояние парадигм для автора является острой идейной борьбой «за студенческую и аспирантскую молодежь, которую надо было вырвать из-под воздействия буржуазной методологии истории» [2, с. 74].

Подтверждается отрицательная оценка влияния школы М. Н. Покровского, как «вульгарно-социологического понимания марксистской исторической теории» [2, с. 75].

В третьей статье начальный период рассмотрен кратко, без персоналий, но с сохранением прежних тезисов: борьба с дореволюционными историками-немарксистами и отрицательное влияние вульгарного понимания истории [3, с. 164].

Второй период истории советской медиевистики открывает постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР» от 16 мая 1934 г. и связанное с ним восстановление исторических факультетов в университетах и открытие (в 1936 г.) сектора истории средних веков в Институте истории АН СССР.

В первой статье данный этап связан с разработкой основных теоретических положений марксистско-ленинской медиевистики, противостоящих представлениям буржуазной историографии. «В противовес буржуазному пониманию термина “средние века” как чисто хронологического обозначения советская медиевистика, приняв к употреблению старый термин, вложила в него новое социально-экономическое содержание, определила средние века как период возникновения, развития и упадка феодализма. Соответственно этому и хронологические рамки средневековья были определены по-новому: от падения рабовладельческого строя (конец V в.) до крушения феодального строя (середина XVII в.) в наиболее передовых странах Западной Европы. Понятие “феодализм” также получило в советской медиевистике совершенно новое, единственно правильное научное толкование. В противоположность буржуазным исследователям, которые, даже признавая феодализм реальной системой отношений, обычно видят в нем лишь политическую или правовую систему, советские медиевисты рассматривают феодализм как особую социально-экономическую формацию, определенный этап в прогрессивном развитии человечества. Политические же и правовые признаки феодализма, по мнению советских медиевистов, являются производными, они не всегда достаточно ярко выражены и могут быть поняты только на основе изучения специфики феодальных отношений в каждой стране» [1, с. 188]. Далее следует

перечисление узловых проблем советской медиевистики с указанием авторов, которые их исследуют [1, с. 189–201].

Во второй статье подробная расшифровка исторической парадигмы отсутствует. Автор просто указывает, что «в середине 30-х годов на первый план в научной и педагогической деятельности ученых выдвинулась конструктивная задача: создать цельную марксистско-ленинскую концепцию истории средних веков, которая опиралась бы не только на общетеоретические положения исторического материализма, но и на новые конкретные исследования» [2, с. 76].

Третья статья также не содержит расшифровки парадигмы, но указывает на ее определенное отрицательное влияние на медиевистику, выразившееся в сужении проблематики: «Одним из главных направлений в эти годы становятся конкретные исследования, главным образом в области социально-экономической, особенно аграрной, истории средневековья. Интерес к этой тематике в то время был вполне закономерен. Утверждая марксистские взгляды на историю средних веков как на время господства феодальной формации, советские медиевисты в первую очередь должны были обратиться именно к изучению экономического базиса феодального общества в его становлении и развитии. Однако, закрепившись в дальнейшем в качестве своего рода стереотипа, такой подход оборачивался до середины 50-х годов пренебрежением к изучению истории государства и особенно культуры» [3, с. 167].

Третий период в развитии советской медиевистики начался после Великой отечественной войны. Относительно 1960-х гг. в центре внимания историков была следующая проблематика: «Как выявилось на сессии 1966 г. по генезису феодализма в Западной Европе, ждут своего решения проблемы революционного перехода от античности к средневековью, вопросы о степени участия “романской” и “германской” традиций в формировании феодальных и раннефеодальных государств у разных народов, о специфике городов раннего средневековья. Не менее важной представляется проблема своеобразия дальнейшего развития разных стран Западной Европы на каждом новом этапе истории феодализма. Только начато изучение очень важного для понимания эволюции всей феодальной формации вопроса – о взаимодействии и взаимовлиянии города и деревни в средневековом обществе. Желательно полнее и глубже разработать вопрос о специфике сословной и абсолютной монархии в разных странах, вопрос об эволюции класса феодалов, особенно важный для понимания смены форм феодального государства. Чтобы решить до сих пор

вызывающий споры вопрос о роли классовой борьбы в эпоху феодализма, нужны новые конкретные исследования о воздействии этой борьбы на экономику, политическую и идейную жизнь общества, а также изучение социальной психологии разных классов и социальных и сословных групп» [2, с. 88].

Были изданы новые учебники по истории средних веков: двухтомник для университетов (1966 г., т. I. Под ред. С. Д. Сказкина, Е. В. Гутновой, А. И. Данилова, Я. А. Левицкого; т. II. Под ред. С. Д. Сказкина, А. Д. Люблинской, А. С. Самойло, Ю. М. Сапрыкина, М. М. Смирин, А. Н. Чистозвонова) и однотомник для педагогических институтов (1964, под ред. М. Л. Абрамсон, А. Я. Гуревича, Н. Ф. Колесниченко).

Подводя итоги развития советской медиевистики, профессор Е. В. Гутнова особо выделяет результаты, полученные благодаря использованию марксистской парадигмы: «Сам по себе марксистский подход к изучению средних веков, несмотря на его в ряде случаев догматическую интерпретацию, позволил советским ученым во многом по-новому осмыслить историю этого периода и поставить вопросы, не привлекавшие внимание ученых, далеких от марксизма» [3, с. 203]. Часть гипотез, выдвинутых советскими историками (о ремесленном происхождении многих городов, о месте последних в феодальном обществе, о значительной роли классовой борьбы в его развитии, о классовом характере государств того времени, о наличии в средние века особой народной культуры и др.), в 70-е и 80-е годы «получила подтверждение и в работах западных историков, и не только марксистов» [3, с. 203–204].

На начальном этапе формирования и развития советской медиевистики можно выделить два ключевых элемента: 1) опорная структура (учебные заведения, профессорско-преподавательский состав, студенты, аспиранты), 2) марксистско-ленинская идеологическая рамка, направляющая усилия научного сообщества в строго определенное проблемное и методологическое русло. Их взаимодействие выразилось в борьбе (пока еще идеологической) против представителей дореволюционной профессуры. Итогом же взаимодействия стало переформатирование контента опорной структуры из исторического в социологический: упомянутая выше замена в МГУ им. М. Н. Покровского курса истории средних веков курсом истории феодальной формации и ликвидация историко-филологических и исторических факультетов во многих университетах страны [1, с. 187].

Возврат контента опорной структуры к традиционному формату произошел после принятия 16 мая 1934 г. постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР»: «Совет народных комиссаров Союза ССР и Центральный комитет ВКП(б) констатируют, что преподавание истории в школах СССР поставлено неудовлетворительно. Учебники и само преподавание носят отвлеченный, схематический характер. Вместо преподавания гражданской истории в живой занимательной форме с изложением важнейших событий и фактов в их хронологической последовательности, с характеристикой исторических деятелей – учащимся преподносят абстрактное определение общественно-экономических формаций, подменяя таким образом связное изложение гражданской истории отвлеченными социологическими схемами.

Решающим условием прочного усвоения учащимися курса истории является соблюдение историко-хронологической последовательности в изложении исторических событий с обязательным закреплением в памяти учащихся важных исторических явлений, исторических деятелей, хронологических дат. Только такой курс истории может обеспечить необходимую для учащихся доступность, наглядность и конкретность исторического материала, на основе чего только и возможны правильный разбор и правильное обобщение исторических событий, подводящее учащегося к марксистскому пониманию истории» [4, с. 1].

Белорусская советская медиевистика и ее особенности. Медиевистика в БССР в общих чертах повторила путь медиевистики советской.

У истоков белорусской учебной медиевистики также стоял имевший европейскую известность историк-богемист, не принявший марксистскую парадигму. Найденная в архивах характеристика профессора А. Н. Ясинского гласит: «Имеет большую эрудицию в области средневековой истории Запада. Методология чисто буржуазная. Часто разрабатывает темы, которые для пролетарской культуры большого значения не имеют. Политически неразвитый. Отношения к марксистской методологии совсем отрицательные. Отношение к советской власти не совсем лояльное» [5, с. 230].

Исторический факультет БГУ открыли в соответствии с постановлением ЦК КП(б)Б «О возобновлении исторического факультета БГУ» от 11 июня 1934 года, изданном после выхода постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О преподавании гражданской истории в школах

СССР». Преподавание истории средних веков в средней и высшей школе велось по учебникам авторских коллективов из Москвы и Ленинграда.

Определенная самостоятельность в работе с научными кадрами, предусмотренная постановлением СНК СССР «Об ученых степенях и званиях» от 13. 01. 1934: право утверждения ученых званий и степеней квалификационным комиссиям соответствующего республиканского народного комиссариата и республиканским академиям наук, была скорректирована. Постановление СНК от 20 марта 1937 г. передало право утверждения докторских диссертаций ВАК СССР. Инструкция ВАК СССР от 24 мая 1941 г. передала право присуждения ученой степени кандидата наук ВУЗам. Правда, уже инструкция ВАК СССР от 8 октября 1944 г. предписала направлять в ВАК кандидатские диссертации для контроля.

В отличие от союзной советской медиевистики, у белорусских историков не было отдельного центра для изучения западноевропейского средневековья (наподобие сектора истории средних веков (с 1936 г.) и сектора истории Византии (с 1955 г.) института истории АН СССР, имевших собственные научные издания).

Второй особенностью является тот факт, что белорусские историки не оставили сколь-нибудь заметного следа в дискуссиях, проводимых советскими медиевистами (генезис феодализма, средневековый город, абсолютизм).

Третья особенность – разработка темы, обойденной в то время вниманием советских медиевистов, истории древней Пруссии. Перевод на русский язык «Хроники земли прусской» Петра Дусбурга [6] был опубликован уже в постсоветское время, в 1997 г., обобщающая монография доктора исторических наук В. И. Кулакова «История Пруссии до 1283 года» [7] – в 2003 г.

Библиографический список

1. Косминский Е. А., Гутнова Е. В., Сидорова Н. А. Сорок лет советской медиевистики // Вопросы истории. 1957. № 11. С. 186–205.
2. Гутнова Е. В. Основные этапы развития советской медиевистики // Вопросы истории. 1969. № 1. С. 74–88.
3. Гутнова Е. В. Советская медиевистика с середины 30-х до конца 60-х годов // История и историки. М., 1990. С. 164–208.
4. Известия ЦИК Союза ССР и ВЦИК. № 113. 16 мая 1934 г.
5. Малюгин О. И. Антон Никитич Ясинский. 22. 09. 1864–13. 11. 1933 // Интеллектуальная элита Беларуси. Основоположники белорусской науки и высшего образования (1919–1961). Минск: БГУ, 2019. С. 226–235.
6. Пётр из Дусбурга. Хроника земли Прусской / Пер. с лат. В. И. Матузовой. М.: Ладомир, 1997.

7. Кулаков В. И. История Пруссии до 1283 года. М.: Индрик, 2003.

**ОПЫТ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА
В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ
(по материалам сборников конференций Белорусского
государственного университета)**

Л. С. Иваничева

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, ivanicheva.l@gmail.com*

В статье предпринята попытка проанализировать направления исследований, касающихся темы формирования устойчивого развития туризма в Беларуси, опубликованных в БГУ, а именно: «Беларусь в современном мире...» – единственном сборнике статей, имеющем раздел, посвященный исключительно вопросам в области туризма за последние, практически, 20 лет (2002–2020). Был выявлен ряд тенденций, описывающих рост исследований в области устойчивого туризма. Выделены этапы, каждый из которых хронологически охватывает примерно одну шестилетку. Установлено, что на первом этапе вопросы устойчивого развития туризма рассматривались преимущественно в контексте международного и внешнеэкономического сотрудничества. Далее характерной чертой исследований становится их «регионализация». Третий этап характеризуется существенным ростом числа исследований и расширением проблематики изучения отдельных направлений туризма.

Ключевые слова: контент-анализ; методы исследования; устойчивый туризм.

**EXPERIENCE ON SUSTAINABLE TOURISM DEVELOPMENT
IN THE REPUBLIC OF BELARUS
(based on the collections of conferences materials of
the Belarusian State University)**

L. Ivanichava

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of
Belarus, ivanicheva.l@gmail.com*

The article summarizes research directions related to the formation of sustainable tourism development in Belarus that have been published in BSU. For nearly 20 years, the international scientific conference «Belarus in the Modern World» has been the only collection of materials with a section devoted exclusively to tourism issues. (2002–2020). The expansion of the field of sustainable tourism research has been characterized by several trends. There are recognized stages, each of which lasts about six years. It has been established that issues of sustainable tourism development were initially thought of primarily in terms of international and foreign economic cooperation. Furthermore, «regionalization» is a distinguishing feature of research. The third stage is distinguished by an increase in the number of studies and an expansion of the problems associated with researching specific areas of tourism.

Keywords: content analysis; research methods; sustainable tourism.